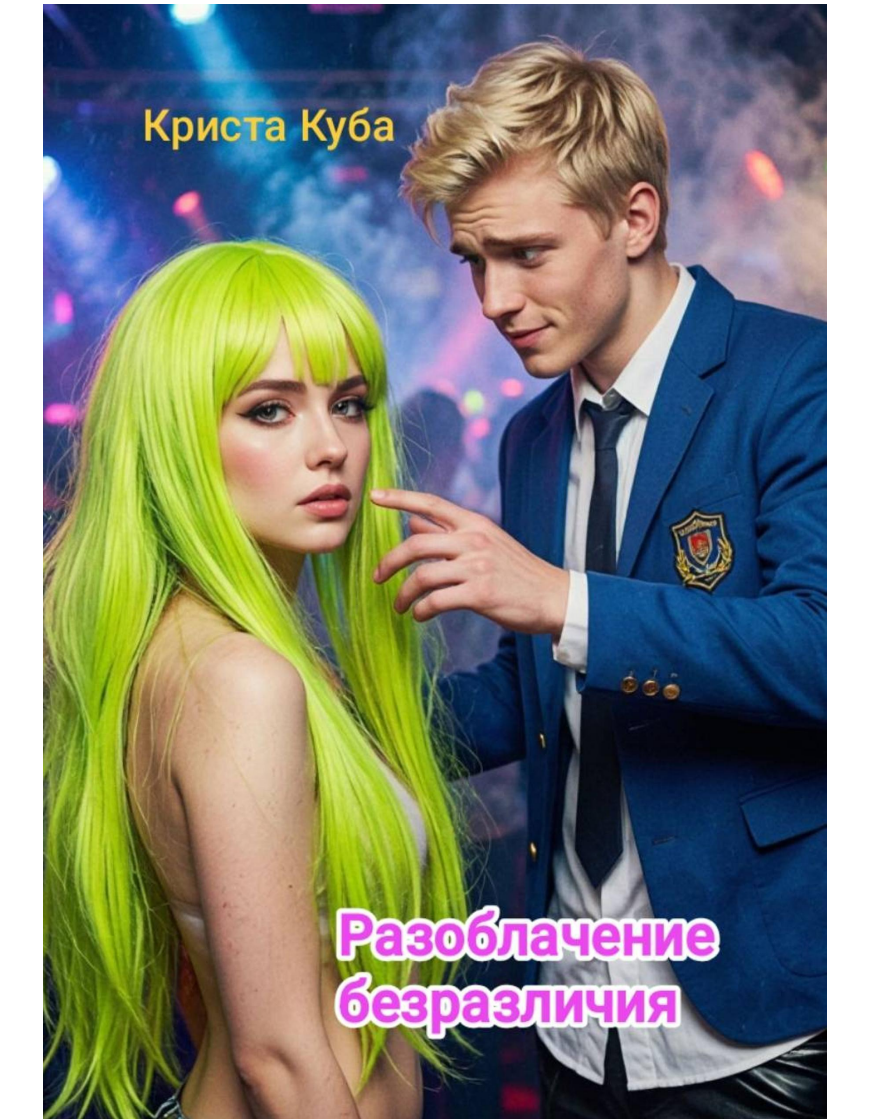

Криста Куба

Разоблачение
безразличия

Криста Куба

Разоблачение безразличия

<https://litres.ru/74466667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лина научилась молчать: ни звука, ни намёка на то, что внутри. Эмоции спрятаны так надёжно, что даже она сама иногда сомневается, остались ли они вообще. Слезы давно стали секретом, который она никому не расскажет. Постепенно она стала похожа на безупречный механизм: никаких лишних движений, никаких всплесков. Но в сердце осталась одна-единственная отдушина — крошечный островок тепла, который не подчиняется никаким правилам. Он не делает её слабой, но и не даёт превратиться в бездушную машину.

Содержание

Пролог	4
Ночная жизнь	6
Рок судьбы	10
Ночь во тьме, и при свете	16
Школа	21
Трещина	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Криста Куба

Разоблачение безразличия

Пролог

Меня словно нет. Я живу, будто невидимка, — будто бабочка, которая так и не сумеет вылупиться из кокона. Каждое утро я встаю ровно в семь, выбегаю из комнаты квартиры, которую снимаю через квартал от Музея искусствоведения, и медленно совершаю утреннюю пробежку. Снова и снова я прохожу взад и вперёд мимо его массивных дверей — будто проверяю, не изменилось ли что-то за ночь. В 7:30 возвращаюсь, принимаю душ. На завтрак — булка с маслом и сыром, чашка зелёного чая, который я пью не спеша, прислушиваясь к тишине квартиры. Потом аккуратно собираю сумку, бережно укладывая учебники и тетради, и ровно в 8:20 выхожу в школу. В школе всё идёт как всегда: первый урок, обед, последний урок. Время летит быстро, почти незаметно, будто кто-то щёлкает переключателем, и день сменяется днём. Старшие классы кажутся мне последними мучениями перед чем-то неизвестным. Каждый год я перевожусь в новый класс, и в этом есть своя свобода: не нужно заводить друзей, не нужно поддерживать разговоры, не нужно лебезить перед кем-то в надежде заслужить доверие

той или иной компании. Если ты ходишь один, молчишь и не привлекаешь внимания — ты свободен. Пусть эта свобода и пахнет одиночеством. Мои баллы по учёбе — в середине шкалы, общительность и любезность — полное отсутствие, а навык обаяния и вовсе на нуле. Моя дневная жизнь скучна и однообразна, день ото дня почти ничего не меняется. Но всё переворачивается, когда наступают выходные... и приходит ночь.

Ночная жизнь

Быстро собрав спортивную сумку, я сажусь на заднее сиденье такси. Пока машина преодолевает маршрут, я медленно натягиваю кислотно-зелёный парик и огромные очки, закрывающие пол лица. Поверх слишком узких джинсов накидываю сетчатую балетную пачку. Сменив коричневые носки на белые, прячу обычные ботинки в сумку и надеваю кеды Converse с зелёными флюоресцентными шнурками. Достав кожаную куртку, усыпанную шипами и стразами, легко набрасываю её на плечи, а под ней красуется только черный топ. Водитель заинтересованно косится в зеркало заднего вида.

— Костюмированная вечеринка? — решается спросить он, словно не отрывая взгляда от дороги.

— Типа того, — холодно протягиваю я, абсолютно не выказывая стеснения от слишком пристального ко мне внимания. Почти приехали. Я отсчитываю нужную сумму и заранее кладу купюры на соседнее от водителя сиденье — терпеть не могу прикосновений.

— Спасибо, остановите здесь! — тычу пальцем в сторону нужного здания.

Выхожу, закинув на плечо сумку с повседневными вещами. В лицо ударяет холодный городской ветер, растрепав искусственные зелёные пряди парика. Если вы смотрели «Восьмую милю» с Эминемом, вам знакома эта цитата: «Уноми-

вание ни об одной другой улице Мичигана не вызывает такую бурю эмоций, какое вызывает упоминание об этой улице. Для каждого — от стриптизёрш и танцовщиц до проповедников, борющихся с ними, от бомжей до министров — улица 8 Миля остаётся самой печальной границей, разделяющей наши области обитания».

Но здесь не Мичиган. Здесь — центральная улица веселья и забвения, студенческий район, эпицентр моды: именно отсюда по всей стране расходится волна новых стилей, музыки и исполнителей. Если пару лет назад в каждом клубе гремела электроника, то теперь наступила эра постмодерна и хип-хопа — эпоха развязной жизни, пропитанной драйвом и бунтарством. Поскольку этот район центральной — мода приходит сюда быстрее всего: все последние новинки можно увидеть именно здесь. Вокруг — неимоверный наплыв туристов, вожделенные взгляды парней с метро-сексуальной внешностью, откровенные наряды девушек в ультракоротких юбках и шортах. Всё это проносится мимо, накрывая невидимой волной молодой, сочной энергии. Я вбегаю в здание через служебный вход. Огромный амбал на вахте, докуривая сигарету, одобрительно кивает мне и выпускает в воздух сладковатый дым с ароматом персика. Очередной приторный вейп.

— Зажги сегодня! — бросает он мне вслед. Выставляю большой палец вверх, словно говоря: разочаровывать — это не моё. Прохожу по длинному коридору, где свет периодически мигает синим. Миную узкое помещение, иду дальше.

Навстречу, чтобы так же выскочить покурить, выпархивает парочка танцовщиц в чересчур откровенных нарядах. Хихикая, одна задевает меня плечом.

— О, прости, Лина, — щебечет девушка. Вздрогнув, я отмахиваюсь рукой.

Я оказываюсь в светлом помещении, больше напоминающем бильярдную. Мне навстречу вылетает Владимир — администратор заведения, более известного как клуб М2.

— Лина, Санта доигрывает. Сегодня на тебя все надежды! В клубе толпа студентов — сделай так, чтобы им не захотелось уходить до утра и чтобы они снова захотели вернуться ночью!

Хотите услышать историю с самого начала? Садитесь удобнее и берите попкорн.

Меня, наконец то, забрал к себе отец. Не выдержав того, как со мной обращалась мать, он решил полностью оборвать наше общение с ней. И откуда вообще взялось это высказывание, что все мужики — козлы? Точно не про него. Он был самым лучшим отцом в мире. До пятнадцати лет я была немой. Не произносила ни слова. Частенько я смотрела в зеркало и высовывала язык, будто пытаюсь понять, зачем он мне вообще нужен. Врачи говорили, что это отклонение и, возможно, немота останется со мной до конца жизни. Узнав об этом, я могла подолгу сидеть и тихо рыдать, издавая лишь глухие мычащие звуки — отчего моё состояние выглядело со стороны ещё более беспомощным. Отец

кружил вокруг меня, словно ястреб, готовый броситься на любую угрозу. Он исполнял все мои прихоти, не давая хандрить и впадать в уныние. В двенадцать лет он купил мне синтезатор. Нанял репетитора, и я стала заниматься дважды в день — просто чтобы как-то скрасить свои дни, дни девушки, которую я сама тогда воспринимала как инвалида. Позже я поняла, что моё спасение — в музыке. Извлекая звуки, я словно попадала в другой мир: мир собственных иллюзий и иного восприятия реальности. Учитель хвалил меня, говорил, что у меня выдающиеся способности и мне прямая дорога в шоу-бизнес. Но, заметив, что я совершенно не могу говорить, он перестал поднимать эти темы. В тринадцать лет я взяла в руки гитару. Плавнo провела пальцами по струнам — и она бесповоротно завладела моим вниманием. Репетитор больше не был нужен: вместо него на столе появился самоучитель. Усердно тренируясь, к следующему дню рождения я добилась своего — на стене уже висела новенькая электрогитара. В четырнадцать меня захватили программы для обработки и редактирования музыки, создания ремиксов и минусовок. Я пропадала в них часами, собирая свои первые треки. А в пятнадцать пришло время, когда, по иронии судьбы, я наконец, заговорила...

Рок судьбы

Задув праздничные свечи, я загадала желание — то самое, что загадываю каждый год, о котором молюсь в церкви, которое снится мне чаще, чем обычные сны, которое всегда стоит перед глазами. *«Хочу, чтобы у меня появился голос. Чтобы смогла говорить!»*

Я вскинула ресницы.

— Поздравляю, Лина, — отец радостно обхватил меня за плечи. Закусив губу, я закивала. Ласковые руки отца нежно обвили мою шею, и тут к груди прикоснулся какой-то прохладный металлический предмет. Удивлённо ощупав его пальцами, я поняла — подвеска. Запрыгав на месте, я подлетела к зеркалу, чтобы получше рассмотреть подарок. Это было великолепное изделие: тоненькая цепочка из мелких звеньев, а посередине — скрипичный ключ, внутри которого блестел и переливался драгоценный камень, ловя каждый луч света. Я гладила подарок и не переставала смотреть в зеркало. Из отражения на меня глядела уже почти взрослая девушка: шоколадные волосы до плеч, алый, месяцем изогнутый контур губ, большие глаза под густыми ресницами. На щеках внезапно проступили ямочки — они появлялись только тогда, когда мне было по настоящему весело. Подбежав к столу, я быстро вычертила на бумаге: *«Спасибо, папа! Он такой красивый! Если бы могла говорить — прокричала бы*

сто раз, что это самый лучший подарок в мире!»

Отец засмеялся:

— Это ещё не всё!

«*Неужели?*» — снова вывела я. Отец спешно схватил куртку, шарф и мою шапку.

— Одевайся, нам надо на улицу!

«*Папа, сейчас почти половина первого ночи!?*»

— Неважно!

Он быстро помог мне надеть куртку, неуклюже намотал шарф и накинул пальто. Схватив меня за руку, он вывел меня из дома и повёл в сторону детской площадки. Я непонимающе сжимала его ладонь, словно спрашивая: «*Что за сюрприз?*»

— Имей терпение, уже скоро! Спустив шапку мне на глаза, он мягко остановил меня на месте.

— Стой здесь. Сейчас.

Я нетерпеливо потёрла слегка замёрзшие руки. Недалеко послышалось шуршание — отец маленькими шажками словно собирал что-то в листе.

— Готово! — крикнул он и лёгким движением сдёрнул шапку с моих глаз. В глаза ударил яркий свет — такой, какой отбрасывает луна в полнолуние. По земле заискрилась дорожка, и сухие осенние листья вдруг обрели цвет. Казалось, они вот-вот могут вернуться обратно на ветки. Каждый ствол переливался и блестел в ночи. Каждая лавочка — и даже вон тот мусорный бак — словно ожил. Красные, синие,

зелёные краски ворвались в этот мир, ворвались среди ночи в безмолвную темноту. Они окрасили этот сказочный островок детства, оживили всё вокруг, закрасили их одинокое существование. Яркие огни разливались во все стороны. Я чувствовала, как расширились зрачки от такого обилия света, как сердце бешено отбивало ритм, — а я даже не могла прокричать от счастья. Не могла сказать, как мне понравилось всё это, всё, что сейчас окружало меня, согревало душу и наполняло теплотой. Зарыдав, я издала пугающие, глухие звуки мычания. Отец встрепенулся и тут же прижал меня к себе.

— Лина, тебе не понравилось? Знаешь, сколько гирлянд пришлось купить папе? Как смешно он ползал среди бела дня, чтобы украсить этот участок? Как выпрашивал у соседа подключить к нему на час все эти приборы? — отец засмеялся сквозь выступившие на глазах слёзы и крепче сжал меня. — Пришлось купить отборную свинину! Представляешь, каков прохиндей — свинину ему подавай!

Я обхватила отца за куртку и продолжала рыдать, причмокивая, словно старушка. — Ну-ну, Лина, перестань. Когда у тебя будет парень, он сделает для тебя такой же подарок, и ты точно не будешь плакать навзрыд, а будешь улыбаться в его объятиях. Помнишь, как в той корейской драме «Цветочки после ягодок»¹, когда главный герой ждал героиню —

¹ Драма «Цветочки после ягодок» (также известная как «Мальчики краше цветов») рассказывает историю девушки из небогатой семьи, которая поступает в престижную школу, где учатся дети богатых и влиятельных родителей.

точно вот в таком месте? Я всхлипнула и остановилась.

— Ну, не смотри на меня так, и будет, — прочитал отец в моих глазах. — У тебя тоже будет всё как в сказке. Обещаю! Через два часа счастливого просмотра гирляндного городка мы станем свидетелями драки молодых парней. Отец полезет их разнимать — и получит сильнейший удар в голову. Роковая случайность вонмёт кость в висок, и мой отец скончается на месте. Обхватывая его окровавленную голову, я прокричу своё первое слово. Первый истошный крик младенца вырвется из моих уст. Первые крики отчаяния станут началом новой жизни. Первыми воспоминаниями, навсегда заставившими проклясть этот день. Этот мир и эту жизнь. Но желание получить голос не сопровождалось лишь потерей отца. Через пару недель под предлогом опеки приедет моя мать — и первое, что она сделает, избыёт меня так, что я пролежу два дня, глядя в потолок с ломившим от боли телом. Позже, напившись, она будет демонтировать меня своим пьяным собутыльникам. Чудом мне удастся сохранить невинность, и всё закончится лишь побоями с их стороны. Но то чувство стыда и отвращения я запомню навсегда. Как они лапали меня. Как касались своими сухими шершавыми пальцами моего живота, ягодиц и груди. С тех самых пор прикосновения для меня стали как разряд тока в двести двадцать вольт. Как кнут, врезающийся в кожу. Как нож, медленно входящий в плоть. Слезы больше не накапливались в глазах — они пропали, впитавшись где-то в глубине души. Я забыла, что умею

говорить. Забыла, что могу начать новую жизнь. Слабый загнанный зверёк в клетке без выхода. Я хотела умереть. Сгинуть из этого мира. В очередной раз, когда мать наносила побои, я не сопротивляюсь и просто терплю. Она колотит меня костлявыми кулаками, не рассчитывая силу, винит меня во всех своих проблемах и бедах, причитает, что никогда не хотела так жить. Соседям объясняет, что я неуправляемая и не умею вести себя.

— Ты такая же тварь, как твой отец. Немая отродье. Из-за тебя у нас возникли проблемы в семье! Почему ты родилась такой ущербной!

Моя мать больна. Больна алкоголем. Больна душой. Больна телом. Нанеся последний удар по щеке, она ослабевает и падает на колени, рыдая в пьяном бреду. Я подхожу к зеркалу и вижу сине-зелёное существо с заплывшим глазом, расщеплённой бровью, ссадинами и гематомами по всему телу. Почти мертва в отражении. Натягиваю куртку, просовываю ноги в тапки и медленно выхожу из дома.

Соседи, словно слепые, словно кроты, боялись предпринять хоть что-то. Отвернулись от подростка, от несовершеннолетнего ребёнка — отказали в помощи, обрекая его на гибель и деградацию. Впереди запестрила нужная мне вывеска. Я поднимаю безэмоциональный взгляд. Медленно проследую в здание. Спокойно приблизившись к скамьям, где ожидают своей очереди уголовники, воры, местные хулиганы и просто подвыпившие люди, устроившие дебош, я са-

жусь. Я вижу, как все эти люди, лишённые совести, устали на меня. Вижу, как их лица исказились в ужасе. Вижу, как позже в их глазах проступило сожаление или боль.

— Боже, девочка, что случилось? — тут же подлетел ко мне сотрудник полиции.— Меня истязает мать... — с расстановкой произнесла я.

Это были те самые слова, освободившие меня от старой жизни навсегда.

Ночь во тьме, и при свете

Динамики выдали звук нарастающей музыкальной волны.

Свет в помещении погас. На стенах вспыхнули синие лучи, затем красные, затем зелёные.

Искусственный голос провозгласил: «Вы готовы!»

Сирена наполнила зал, отражаясь от стен и заставляя присутствующих зажимать уши, — но тут же рассыпалась в повисшей тишине.

Звук открывшегося пива донёсся до каждого. Я сделала большой глоток и поднесла микрофон к влажным губам.

— Ну что, сегодня зажигаем до утра! Выпустите желания своего тела, отдайтесь в объятия ритма и просто заполните зал своим присутствием! Вперёд!

Снова искусственный голос: «DJ Лина. Девушка, способная сделать любой трек незабываемой композицией. Уйти, не услышав её — невозможно! Растворяйтесь, танцуйте, кричите»

Плавными движениями я опустила пару кнопок на диджейском пульте, выкрутила звук почти на полную и дала залу ощутить силу смещения стилей.

Пританцовывая в такт, я словно безумная выкрикивала в зал дерзкие фразы — заставляя всех чувствовать прилив сил, подталкивая парней ближе подойти к девушкам, а девушек — сильнее крутить бёдрами. Мой голос отскакивал

от стен, сплетаясь с музыкой, врывался под кожу каждому, щёлкал изнутри, заставляя двигаться быстрее.

Широкие очки, закрывающие мои грустные, безэмоциональные глаза, не давали понять, кто стоит перед ними, — все видели лишь человека, создающего драйв. Яркие накрашенные губы с каплями пива рассказывали о предпочтениях бывшего по их мнению диджея. Зелёные волосы не давали девушкам повода для обсуждений: они считали лишь себя объектами вожделения парней. А незамысловатая балетная пачка и вовсе вызывала смех, позволяя решить, что перед ними просто очередной фрик.

Весь мой образ — отражение моей души. Отражение моего разбитого сердца...

Мою мать лишили родительских прав. По делу избиения она отделалась лишь штрафом. Сначала я оказалась в детском доме, пытаясь привыкнуть к здешней обстановке. Но затем впервые за непродолжительное время мне повезло.

Меня взяла под опеку женщина с папиной работы. Только спустя время она узнала, что моя мать — тиран. Кажется, эта женщина была равнодушна к моему отцу: посетив его могилу, она долго плакала, сидя возле холма.

Увидев безэмоциональное существо, в которое я превратилась, она просто притянула меня к себе:

— Бедная девочка...

Я не стала противиться и просто стояла, позволяя этой женщине пропускать сквозь меня маленькие разряды тепла.

Её прикосновения не были мне неприятны — просто клетки сами отторгали это тепло.

Через пару недель я привыкла к ней. Она ненавязчиво следила за мной, не заставила жить со своей семьёй, а сняла мне маленькую квартирку в нескольких сот метрах от её дома. Каждый день она приносила еду и просто ставила контейнеры под дверью — не пытаясь пробиться в мой мир и уж тем более не притворяясь матерью. Стирала мои вещи и не ругала, когда я подолгу болталась на улице, снова и снова возвращаясь на ту самую детскую площадку.

Время шло, и вот мне исполнилось семнадцать. Именно тогда я и нашла эту работу.

Я сменила трек и открыла очередную бутылку пива.
— Отлично! — проорал мне из зала Лей.

Я снова выставила большой палец и продолжила покачиваться в такт, прижав наушники к одному уху. Став прилично зарабатывать, я вдруг поняла: может, это и есть моё призвание. Люди тащатся от моей музыки, я тащусь от того, как она звучит в этих широких стенах. Хозяева клуба — от растущей прибыли, арендаторы — от вовремя оплаченной аренды. Все довольны, все счастливы. Отыграв почти пять часов, я заметила, что клуб начал пустеть. Молодые люди подбирали запоздало пьяных подруг и уводили их прочь — чтобы продолжить там, где не нужно сдерживать вожделение. Кого то насильно выпроваживала охрана. А кто-то, тыча в меня пальцами, просто орал: «Крутая чика! Давай заводи снова

свою шарманку!»

Персонал и хозяева клуба знали, что тут работает несовершеннолетняя, но скрывали это тщательно. На такой случай у меня был поддельный паспорт: я — Лена, 22 года, студентка колледжа, приехала из деревни. Вряд ли кто-то полезет проверять моё существование в этом шумном городе. Да и мой клоунский образ не давал ни малейшего шанса угадать мой настоящий возраст. Тётя знала, что я работаю в клубе. Она спокойно выслушала мои доводы и согласилась — с одним условием: чтобы я не ввязывалась ни в какие проблемы до совершеннолетия. Учёба шла нормально, посещаемость была в порядке. Общение со сверстниками не несло негатива и недоверия. Я уже собиралась уходить, когда меня снова окликнул Лей — парень, который и нашёл меня для этой работы.

— Лина, подожди.

Лей парень лет двадцати пяти, приятной внешности: слегка выющиеся на концах кофейного оттенка волосы, несколько колец в ухе, спортивное телосложение, рост — больше ста восьмидесяти сантиметров. Он устраивал в нашем клубе тематические вечеринки, и получалось у него отлично. Остановившись, я чуть слышно прохрипела:— Чего?

— Пару новых треков к следующей неделе сможешь?

— Постараюсь! — сверкнув огромными очками, пробормотала я и пошла дальше.

— Лина, побольше слов!

— На сцене. Да. Ты же сам видишь. Я просто посадила голос.

Безразличие было моим вторым счастьем. Моим главным способом выходить из любой ситуации. Отказ, согласие, радость, огорчение — если всё это подавать с безразличием, смысл чувств теряется. Это как мороженое без молока: останется только лёд. Соблюдать дистанцию от людей — моё основное правило. И с ним я, пожалуй, останусь до конца.

Школа

Скоро я стала работать не только по выходным, но и в будни. Так и проходили мои дни: школа, работа, короткий, почти вымученный сон — и снова неудержимый марафон клубной музыки, где бас отдаётся в груди, а свет стробоскопов режет темноту на острые, рваные куски.

В воскресенье я, как обычно, отдыхала дома — если можно назвать отдыхом бесконечное листание ленты и погружение в чужие тусовки. Я подолгу сидела в интернете, просматривая видеозаписи с разных клубных вечеринок: ловила новые веяния, высматривала, как диджеи смешивают стили, как публика реагирует на переходы, как меняется энергия зала от одного трека к другому. Накачав парочку известных треков, я решила прослушать их досконально, разобрать по косточкам: возможно, получится удачно заремиксовать их вместе, вытянуть из них что-то своё.

Занятия в школе начинались ровно в девять утра. По дороге я успевала прослушать шесть треков, проанализировать каждый: выделить ударные, найти скрытые синкопы, представить, как наложу поверх них свой собственный ритм. Когда я погружаюсь в себя, вывести меня оттуда может разве что апокалипсис, внезапно случившийся прямо на тротуаре.

Пройдя в класс, я села за парту и, пока не прозвенел звонок, решила дослушать ещё один трек. Вокруг понемногу

наполнялся класс: ученики заходили, хлопали дверьми, перебрасывались короткими фразами, кто-то смеялся слишком громко, кто-то нарочно громко шуршал пакетом. Я знала всех по именам, но абсолютно не представляла, кто какую нишу занимает в этом социально-подростковом улье — да и плевать мне было на это. Ещё семь месяцев, и о старшей школе можно забыть навеки, вычеркнуть её из жизни, как неудачный черновик.

На мою парту внезапно упал учебник. Я медленно подняла голову.

— Извини, выпал, — тихо прошептала новая ученица нашего класса. Кажется, она перевелась к нам три недели назад.

Она бережно схватила учебник и, неловко убрав прядь волос за ухо, прошла мимо. Если не ошибаюсь, её звали Ната. Высокая, красивая девушка с модельной внешностью: огромные европейские глаза, будто чуть удивлённо распахнутые, узкое, изящное лицо, длинные шелковистые волосы цвета мёда, струящиеся по плечам, и пухлые алые губы, которые словно не сочетались с её общей тихой, почти застенчивой манерой держаться. Имея такую внешность, она не пыталась выделиться из серой толпы нашего класса, не носила кричащих вещей и не старалась быть в центре внимания. Она просто тихо досиживала оставшиеся дни учёбы в старших классах — как и я.

Однако мужская половина нашего класса так не считала.

Парни оглядывались на неё, изучали её фигуру, будто пытались запомнить каждый изгиб. Хулиганы подсвистывали с задних парт, когда она наклонялась за упавшей стиралкой, а те, кто считал себя джентльменами, каждый раз предлагали проводить её до дома — с таким видом, будто это их личный подвиг.

Может быть, она, как и я, хотела просто провести эти дни, не ввязываясь в школьную жизнь, наполненную мелкими интригами и тихой, вязкой ненавистью к тем, кто случайно оказался врагом.

Я едва заметно кивнула в ответ на её извинение и снова уткнулась в наушники, продолжая разбирать звучавший трек. В классе нарастал гул: кто-то спорил, кто-то громко смеялся, кто-то хлопал учебником по парте — всё это мешало сосредоточиться, разрывало тонкую нить, которую я пыталась удержать в голове. Учитель опаздывал уже на пятнадцать минут.

Внезапно в класс вошёл завуч. Я спешно вынула наушники и положила их на стол, стараясь выглядеть как можно более обычной ученицей.

— Ребята, учитель ваш заболел. Один урок можете погулять, затем будет биология!

В классе тут же послышались радостные возгласы, смех, кто-то даже хлопнул в ладоши. Одноклассники тут же понеслись кто куда: в столовую, на улицу, в коридоры, чтобы успеть прожить эти свободные минуты. Дождавшись, пока

класс опустеет и стихнут шаги в коридоре, я медленно побрела по школьному коридору, чувствуя, как тишина становится почти осязаемой.

И почему сегодня у меня нет вдохновения? Никаких мыслей. Ни одна мелодия не приходит на ум, ни один ритм не ложится на внутренний пульс. Где такое место, где я смогу ощутить себя легко и беззаботно, где смогу заглянуть себе в душу и не встретить там направленных на меня удивлённых, оценивающих взглядов?

«Крыша», — пронеслось у меня в голове.

Место, где можно подумать в тишине, — в обнимку с прохладным, свободным ветром, под бескрайним куполом небесной синевы. Я давно отследила лазейку которая вела к незапертой двери на самый вверх. Оказавшись на бетонном перекрытии, я сразу почувствовала прохладный ветер, ворвавшийся в грудь, — свежий, осенний, пахнущий пожелтевшей листвой и далёким дымом. Тёплые солнечные лучи пробежали по коже, щекотнули мочку уха, коснулись щёк, словно невидимые пальцы. Музыка в наушниках нарастала, заполняя каждую клетку, пульсируя в висках, и я, поддавшись этому потоку, быстро подбежала к парапету, огораживающему крышу, — невысокому, почти символическому сооружению из старого, потрескавшегося бетона. Неуверенно поставила одну ногу на слишком узкий карниз. Боязнь высоты проходит, когда ты ищешь вдохновение. Я придвинула вторую ногу и, расправив руки, словно собираясь поле-

теть, закрыла глаза. Ветер ударил в лицо, растрепав волосы, и на секунду мне показалось, что я стою над городом, над всем этим шумом, над школой, над своей собственной жизнью. Где-то внизу гудели машины, перекликались голоса, но здесь, наверху, всё это казалось далёким, нереальным, будто из другого мира. Неужели мне, наконец, удастся создать что-то от самого сердца. Что-то, что не просто звучит, а дышит, живёт, бьётся.

— Чокнутая, слезай! — слышу громкий, резкий голос, пробившийся сквозь потоки музыкального экстаза, насыщающего мои уши.

— Помирать ещё не время!

Но вырвать меня из моего мира может лишь... Бархатные, уверенные пальцы обхватывают меня за запястье — крепко, почти грубо — и одним рывком стаскивают из этого хрупкого, обманчивого рая обратно на землю. Первое, что я вижу, открыв глаза, — недовольный, пронзительный взгляд, сверкающие карие зрачки с золотистыми искрами, и соломенные, растрёпанные ветром волосы, слегка падающие на лоб. Лицо строгое, резкое, с плотно сжатыми губами. Ноги подкашиваются. Земля уходит из под ног, и я лечу прямо на человека, так бесцеремонно разбившего мою иллюзию. По телу проходят судороги, руки сводит в параличе, перед глазами вспыхивают белые искры. Темнота наползает, и я теряю сознание.

Трещина

— Что с ней?! — лицо обдаёт сладкий, прохладный запах мяты. Я морщусь и тут же поворачиваюсь на бок, чувствуя, как холодный бетон неприятно вдавливается в щёку.

— От испуга отключилась!?! — к мятному запаху присоединяе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.